

Litera

Правильная ссылка на статью:

Каратаракис Н. К иллюзии эврисемии: между «общим», «обобщенным» и «широким» значениями // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.72705 EDN: BPDWXF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72705

К иллюзии эврисемии: между «общим», «обобщенным» и «широким» значениями

Каратаракис Николаос

ORCID: 0009-0000-0104-6607

аспирант, Филологический факультет, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ nikokara41@gmail.com

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.72705

EDN:

BPDWXF

Дата направления статьи в редакцию:

13-12-2024

Аннотация: Предметом исследования являются понятия «общее», «обобщенное» и «широкое» значение в рамках понятия широкозначности. Объектом исследования стало понятие «широкозначности» или «эврисемии», на основе которого возникает одно «общее», «обобщенное», «широкое» значение. Цель данной статьи – выявить и проанализировать данные понятия, чтобы определить правомерность или неправомерность трактовки лексемы «широкозначность» как явления с одним общим, абстрактным значением. Поставленная цель определяет следующие задачи: провести анализ понятия «общее», «инвариантное» значение, определить объем термина «общее значение» и его интерпретацию относительно эврисемии, выявить и описать характеристики эврисемии, которые не могут быть сведены к одному «общему» значению, но, напротив приводят к иллюзии полисемии. Материалом исследования послужили теоретические работы Е. Куриловича, Л. А. Новикова, В. В. Виноградова, С. А. Песиной, Р. Якобсона, Н. В. Перцова о понятии «общее» и «инвариантное» значение, а также научные труды Н. Н. Амосовой, Е. И. Малютиной, Е. Д. Мариновой, В. К. Колобаева, В. Я. Плоткина, Л. Я. Гросулы, М. Ю. Евтеевой о понятии эврисемии. При

проводении исследования применялись следующие методы: дедуктивный метод (поскольку мы опираемся на проверку уже существующих теорий), метод логического сопоставления для дальнейшей аргументации, метод сплошной выборки языковых примеров и интроспекция. Новизна настоящего исследования заключается в системном рассмотрении проведенных понятий, доказывающих неправомерность применения понятия «эврисемия» как «общее значение», противопоставленное языковому феномену полисемии. В рамках проведенного исследования становится очевидно, что понятие «эврисемия» не существует, поскольку оно само есть иллюзия, возникшая в результате сопоставления русского с другими языками. Данный аргумент основывается на самой тенденции синтетизма в русском языке в противопоставлении с тенденцией аналитизма в сопоставленных языках с ним языках. Это наглядно доказывается в определении понятия «широкое значение», которое в прямом или косвенном смысле подразумевает широкую сочетаемость. В связи с этим автор считает, что, во-первых, невозможно назвать понятие «эврисемия» языковым явлением, а во-вторых, что такого значения, как «широкое», не существует.

Ключевые слова:

Широкозначность, Эврисемия, Полисемия, Обобщенное значение, Общее значение, Аналитизм, Синтетизм, Широкое значение, Сигнификант, Денотат

Введение

В статье рассматривается комплексное понятие «широкозначность» или «эврисемия», которое в последние годы получило чрезмерную популярность, и которое подыскивает свое место в научном обиходе и на лексико-семантическом уровне языка. Проблемный характер эврисемии выражается ярко в абстрактных критериях её выявления с акцентом на «общем значении», которое в каждом исследовании воспринимается с совсем другим смыслом. Данная статья посвящена уточнению объема термина «общее значение», который смешивается с такими терминами, как «широкое значение» и «обобщенное значение» и приводит к ошибочному его употреблению.

Основная часть

1. Определение понятия «эврисемия» и «общее» значение

Проблема широкозначности впервые была затронута в работах В.Н. Ярцевой и получила дальнейшее развитие в научных работах на материале широкозначных слов английского языка. Термин «широкозначность» введен впервые Н.Н. Амосовой: «Широкозначность — это лингвистическое явление лексико-семантического уровня, которое характеризуется расширением семантического объема слова для обозначения различных денотатов» [\[1, с. 114\]](#). Данное определение стало причиной рождения мнения о том, что у широкозначных слов есть одно «общее, единое, инвариантное, предельно обобщенное значение» как некая моносемия «на пределе», данное предельно обобщенное значение конкретизируется в речевой ситуации или в контексте.

Работы по эврисемии начали появляться сравнительно недавно. В общих чертах все ученые признают роль контекста в функционировании широкозначных единиц и чаще всего выражается мнение, что широкозначные единицы — это слова, которые вне контекста определяются достаточно легко, отмечается взаимосвязь широкой

сочетаемости и широкого значения. Тем не менее, мнения ученых о природе широкого значения и соотношении с полисемией значительно расходятся; первая на природу широкого значения указала Н.Н. Амосова: «значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи» [1, с. 114].

В российской лингвистике ученые проводили исследования отношения данного явления к полисемии. Анализ ряда работ показывает, что большинство склонны к оценке «однозначной природы» данного явления, отмечается одно «общее, единое, инвариантное, предельно обобщенное значение», которое конкретизируется в речевой ситуации или в контексте. С целью отграничить эврисемию от полисемии, Н.Н. Амосова отмечает, что «при употреблении многозначного слова в речи все значения, кроме одного, исключаются и не действуют. Широкое значение в контексте только конкретизируется, но не изменяется, не исчезает и остается основой любого своего суженного варианта, или подзначения» [1, с. 114–115]. Поэтому ученые данного направления всегда затрагивают вопрос об «инварианте» слова, который является «стержнем», «прототипом» значения, не изменяющимся в любом употреблении. Исходя из этого большинство ученых утверждают целостность широкого значения, которая отличает эврисемию от полисемии, для которой характерна фрагментарность. Таким образом, исследователи видят несоответствие эврисемии и полисемии, которые, по их словам, являются двумя «различными явлениями».

В нашем исследовании мы считаем, что эврисемия («широкозначность») не может быть «моносемией на пределе» и противопоставлена полисемии по многочисленным причинам, которые сами приводят к иллюзии полисемии. В данной статье мы ограничиваемся выяснением и анализом аргумента об «общем, инвариантном значении», играющем центральную роль для понятия эврисемии. Чтобы максимально ориентироваться в анализе данной проблемы и её решении, мы должны уточнить, что понимается под «общим, обобщенным, инвариантным значением».

«Общее» или инвариантное значение появляется под разными терминами, такими как «содержательное ядро», «семантический центр» и «семантический стержень». Понятие о семантическом центре лексемы впервые упоминается в работах В.В. Виноградова для описания значения многозначного слова [2, с. 34]. Предположение о том, что не все компоненты обладают одинаковым статусом, упоминалось в работах многих исследователей языковых значений [3–5]; [6, с. 256]. Некоторые признаки являются более существенными, устойчивыми и образуют центр (ядро) значения, в то время как другие выходят на периферию и подвергаются изменениям. С.А. Песина утверждает, что содержательное ядро значения должно обладать определенными характерными признаками, что предполагает наличие единой семантической «нити», связывающей значения многозначного слова, что при всех контекстуальных вариациях, они остаются вариантами слова. «При этом общее значение, несомненно, относится к сфере языка, в то время как частные значения — к сфере речи» [7, с. 17].

Однако проблема состоит в том, что трактовка сущности «семантического центра» воспринимается и интерпретируется лингвистами по-разному: Е. Курилович считает главным исходное значение и предполагает, что инвариантное значение – это «абстракция, полезность и применимость которой к конкретным лингвистическим проблемам решит будущее» [8, с. 246]; [9, с. 538], вслед за ним Л.А. Новиков считает, что

«общее значение – это теоретическое построение, имеющее ценность как некоторый инвариант смысла, определяющий основу и границы смысловой структуры, ее суть [9, с. 538]; Р. Якобсон определяет «общее» значение в основе первого (главного значения), которое остается неизменной основой всех ЛСВ, покрывая все смыслы слова, значение относится к системе языка, пока частные (вторичные значения) к сфере речи [10, с. 50–51]; А.А. Уфимцева, не признавая наличие инвариантного значения, приравнивала его к прямому номинативному [11, с. 85]; В.А. Звегинцев, вслед за Р. Якобсоном, полагает, что «общее» значение можно обнаружить у любой многозначной лексемы. М.А. Кронгауз находит инвариантное значение в зависимости от топологических видов многозначности: радиальная, цепочная, радиально-цепочная [12, с. 128]; Н.В. Перцов, исследуя сопоставления вариативности-инвариантности, определяет семантический инвариант как «некоторое свойство языковой единицы, объясняющее ее внешне разнородные частные значения или тем иным образом «скрепляющее» эти частные значения – в соответствии с интуицией носителей и исследователей языка» [13, с. 47].

2. Иллюзия полисемии и «общее» значение

В центре внимания всех авторов, занимающихся эврисемией, лежит понятие «общее, инвариантное значение», которое присутствует во всех контекстах, конкретизируется, но не расщепляется на отдельные фрагменты и остается целостным. Применительно к этому Е.И. Малютина отмечает: «Недостаток всех существующих теорий заключается в следующем: несмотря на твёрдое убеждение, что в основе каждого широкозначного слова лежит инвариантное значение, никто не формулирует это значение» [14, с. 43]. Ученые-лингвисты, занимающиеся эврисемией, не придерживаются мнения об исследовании отдельного значения, рассматривают слово в обобщенном виде, чтобы оно могло быть широкозначным, и ищут «общее значение», которое является обобщением, абстракцией всех значений слова. С одной стороны, данный аргумент является правильным, ведь как можно назвать единицу широкозначной, если не все ее значения проявляют широту? Если опираться на подход к отдельному значению, тогда нужно отнести все слова к широкозначным, кроме однозначных, поскольку все слова могут иметь так широкие, как и узкие значения, чего придерживается Е.И. Малютина, исследуя классификацию С.Н. Димовой, которая выявляет в основе слова *way* в английском языке обобщённо-категориальное и категориально-широкое значение (Димова С.Н. О полифункциональности слова с широким значением (на материале английского существительного *way*): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1972. — 22 с.) ; [14, с. 33].

С другой стороны, исследование «общего» значения является проблематичным по многим причинам. Одна из них — это убеждение, что «общее» значение является отличительной чертой эврисемии, что в свою очередь представляет собой стимул для противопоставления эврисемии и полисемии. Тем не менее, аргумент о том, что инвариант, с одной стороны, сохраняет свою целостность, в то время как с другой конкретизируется в речи – является далеко не правильным; по факту это абсолютно невозможно, поскольку инвариант в речевых контекстах всегда «расщепляется» в актуальные значения [14-15]. При этом большинство ученых сходятся во мнении, что широкое значение, соотносимое с понятием широкого объема, обнаруживает высокую степень обобщения в языке, но получает известное сужение, конкретизацию в речи [11]. Как отмечает И.А. Семина, данная трактовка «не обеспечивает как теоретического, так и

практического отграничения широкозначности от смежных с ней языковых явлений, а именно — абстрактности, конкретности, многозначности, поскольку «каждое слово уже обобщает» [16, с. 20]. Более того, данная трактовка является актуальным и для полисемии, поскольку ЛСВ многозначного слова реализуется именно в контексте, получая известную конкретизацию, что является убедительным доказательством не «эксклюзивности» «общего» значения в эврисемии, поэтому нам кажется неправомерным соглашаться с мнением Е.Д. Мариновой, что значения многозначного слова «не сводимы к одному общему значению» [17, с. 49]. Данное предположение подтверждается тем, что «общее» значение является одним из представлений полисемии, как отмечает А.А. Зализняк: «представлено как инвариант и в той или иной степени выводимые из него варианты (= частные значения), реализующиеся в разных контекстных условиях» [18, с. 30]. Таким образом, «общее» значение в той или иной трактовке не должно считаться прямым показателем моносемической ипостаси слова или характеристики эврисемии, т.к. нередко может привести «к *sui generis* оптической иллюзии» полисемии, что, следовательно, приводит нас к пониманию того, что «общее» значение является недостаточным доказательством эврисемии.

3. Синкетизм «обобщенного» и «общего» значения

Между обобщенным значением как результатом абстрагирования и «общим» как абстракцией или стержнем значений слова, отмечается терминологический синкетизм. Несмотря на то, что абстракция слова («общее значение») и абстракция как результат абстрагирования («обобщенное значение») представляются смешанным, они не являются синонимичными: первое приводит нас к рассмотрению «стержня» / абстракции от значений слова, в то время как второе указывает на характеристику понятийной основы сквозь высокое абстрагирование. Выделение «общего» значения служит стимулом доказательства того, что эти слова имеют одно «общее» значение с широкой референцией, будучи абстракцией, обобщением, выражающим одно понятие с бедным содержанием и широким объемом. На основе этого для доказательства своей позиции ученые искали «общее» значение, которое является обобщенным, имея максимальную степень абстракции, что, в свою очередь, и является широким значением.

Однако структурируя «общее» значение, мы не можем свести результат к обобщенной понятийной основе слова или к объему значения слова, а только к обобщенному представлению слова. При этом возникает такой вопрос: «как «общее» значение является доказательством эврисемии, поскольку не показывает широту значения, а свидетельствует о содержательном ядре слова? Оперируя тем или иным определением «общего» значения и семантической «нити», можно показать, как обеспечивается единство слова, дать какую-то общую формулу определения слова и/или показать стержень слова, но, на наш взгляд, кажется непонятным, как оно показывает широту и обобщенность значения, ведь оно лишь определяет «основу и границы смысловой структуры, ее суть» [8, с. 538].

4. Обозначение понятия «обобщенное значение»

В русле исследований эврисемии обобщенное и широкое являются неотделимыми друг от друга – аргумент, которого многократно придерживались почти во всех трудах лингвисты [11; [14 – 18 и др.] на основе «растущего абстрагирования» и сопоставления содержания

и объема понятия согласно закону обратного отношения: чем шире объем понятия, тем проще его содержание, и обратно. Тем не менее, никто не объясняет что такое «обобщенное» или что подразумеваю под этим, является ли оно абстрактным или общим, но при этом все высказывают твердое убеждение в отождествлении широкого и обобщенного, отраженное в определениях широкого значения: «широкое значение как прямое значение, содержащее максимальную степень абстракции, отвлечения, выражающее единое обобщённое понятие, которое получает внешнюю конкретизацию через контекст или речевую ситуацию» [17, с. 67] (здесь и далее выделено нами – Н.К.); «значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи» [1, с. 114]; «значение, которое содержит максимальную степень абстракции, выражает обобщенное понятие и при употреблении данного слова в речи конкретизируется в лексических вариантах» [19, с. 25].

Одна из проблем обобщения – это его соотношение с абстрагированием. Ученые не показывают единства в соотношении обобщенности и абстрагирования: первые считают, что они отождествляются [20–21], вторые придерживаются мнения, что обобщенность является наивысшей степенью абстрактности [22, с. 568]. И.А. Семина, отвечая на вопрос: «всегда ли абстракция предполагает обобщение», опирается на выделение В.Г. Гаком и М.В. Никитиным двух видов абстракции: 1) абстракция отвлечения, которая характеризирует собственно абстрактные слова *strength, beauty, death, grace, health, youth* и т.д., передающие понятие о свойстве, признаке, состоянии того или иного предмета, явления (или их совокупности) объективной действительности; 2) абстракция обобщения, которая характеризирует слова *affair, business, cause, matter, object, problem, question, subject* и т.д., передающие понятие о классе явлений, предметов, объектов действительности» [16, с. 19]. После этого И.А. Семина приходит к выводу, что широкозначные слова являются абстракцией обобщения.

В результате рассмотрения трудов российских лингвистов о языковом явлении эврисемии, мы отмечаем, что большинство исследователей не выясняют, что представляет собой такое обобщенное значение, хотя, видимо, склонны отождествлять обобщение с абстрагированием как абстракцию обобщения, поскольку, согласно своим определениям, это и есть широкое значение. Ирония в том, что, несмотря на убеждения о максимальной степени абстракции, ученые пытаются измерить его в основе инвариантного, «общего» значения.

Данное обобщенное значение как абстракция обобщения служило стимулом для выделения характеристики полиденотативности или синсематии (синсематизм), т.е. отсутствие определенного денотата у слова широкой семантики, взятого отдельно, вне контекста в основе широкозначных слов (Колобаев В.К. Слова широкой семантики и способы их конкретизации в английской научной литературе (на материале медицинских публикаций): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1983. — 14 с.). Тем не менее отсутствие определенного денотата по факту является доказательством широкой денотативной соотнесенности слова, которая согласно закону обратного отношения указывает на «простоту» содержания.

Данное предположение подтверждается тем, что многие ученые говорят о «бедноте» в содержании этих слов: И.А. Семина отмечает, что широкозначные слова «узки по содержанию», «бедны по своему смысловому содержанию» [16, с. 172]; Е.И. Малютина

пишет, что широкозначные слова имеют «максимально обобщенное содержание слова» [13, с. 175]; согласно В.К. Колобаеву, конкретизация слов широкой семантики требует наличие одного слова, а иногда даже и целой фразы, а также знания содержания контекста (Колобаев В.К. Слова широкой семантики и способы их конкретизации в английской научной литературе (на материале медицинских публикаций): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1983. — 14 с.), что позволяет нам понять предположение ученых о том, что слово вне контекста легко определяется [13-15], ведь оно представлено в своем «обобщенном» значении. Вероятно из-за этого ученые искали «общее» значение, которое может раскрывать обобщенность слова, представленную в абстракции.

Принимая во внимание вышесказанное о бедноте содержания, обобщенном как абстракция обобщения, и синсематизме, мы можем предположить, что абстрагирование (как абстракция обобщения) как мыслительный результат или процесс отражается в «бедноте» содержания слова и в его широком объеме, поскольку, если словом передаётся понятие о классе явлений, предметов, объектов действительности в такой степени, что денотат не может быть выявлен (синсематизм), то его содержание должно быть максимально «простым» согласно закону обратного отношения объема и содержания. Это приводит нас к выводу о трактуемом обобщенном как о **сочетании обобщенной понятийной основы и широкой денотативной соотнесенности**. Итак, под обобщенной понятийной основой понимается различная степень «пустоты» содержания слова, противопоставляющей широкому объему — как сигнификат и денотат по терминологии логики. Реже по отношению к терминам «обобщенной понятийной основой» и «сигнификата» употребляется термин «широкая понятийная основа»; как отмечает О.И. Судакова, термины «широкая понятийная основа» и «широкая денотативная соотнесённость» характеризируют сигнификат и денотат (Судакова О.Н. Семантика и функционирование широкозначных имен существительных (на материале английского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М.: МГИИ им. Мориса Тореза, 1990. — 21 с.).

Данное предположение подтверждается также многими исследованиями в диахронии: И.В. Шапошникова считает, что значительно большой объем значения возникает в результате исторического развития глагола, что привело к расширению диапазона референтов, которые могут сочетаться с глаголом, сохраняя при этом свое первоначальное значение, отмечая расширенный объем семантико-сintаксических валентностей глаголов широкой семантики [23]. Основываясь на этом аргументе, Е.И. Малютина считает, что развитие широкозначности происходит только в направлении расширения значения, и в результате чего широкозначные слова получили широкую сочетаемость [13, с. 25]. В.Я. Плоткин и Л.Я. Гросул отмечают: «широкозначность развивается путем растущего абстрагирования, отвлечения от конкретных свойств первичных денотатов, которые постепенно расширяют свой объем, не теряя при этом своего единства, не распадаясь на характерные для многозначности множества отдельных денотатов» [24, с. 831]. Опираясь на это, большинство лингвистов соглашаются с мнением о широком объеме и расширении значения, хотя говорят о нем как об отличительной характеристике эврисемии, что является полностью неоправданным, поскольку и многозначность подвергается расширению и может обозначать разнородные явления и предметы в ходе исторического развития слова [25-26].

Таким образом мы определили, что подразумевается под «обобщенным значением», и как оно взаимодействует с другими выделенными характеристиками эврисемии.

Продолжаем к **четвертому** – интерпретирование широкого значения.

5. Интерпретация широкого значения

Интерпретация широкого значения имеет три возможных варианта: 1) широкое это и есть обобщенное; 2) широкое значение – это «общее» значение, абстракция (моносемия «на пределе») в основе одной обобщенной лексической единицы; 3) широкое значение – это широкая сочетаемость. Основная разница между высказанными вариантами основывается в отождествлении широкого с обобщенным в первом варианте, в отождествлении широким с общим во втором и, в дифференциации широкого с обобщенным и общим в третьем.

В первом случае, если под широким значением подразумевается «обобщенное», нужно отнести к ним все глаголы с обобщенным значением, т.е. все базовые слова языка к широкозначным. К таким результатам пришла А.М. Плотникова, которая отметила, что все глаголы без приставок в русском языке не являются широкозначными [27]. В таком ключе по факту просто заменяется термин «обобщенное» на термин «широкое», исследование которого не может выходить за рамки одной лексической системы, поскольку возникает вопрос о различии «широкозначных единиц» в разных языках. Объяснение такого предположения лежит на основе третьей интерпретации.

Во-втором случае, широкое значение представляет собой то, что традиционно понимается под ним: одно общее, абстрактное, обобщенное значение. В таком ключе Е.И. Малютина на основе первого непроизводного значения проводит когнитивный анализ дефиниции, лингвистическое описание и контекстуальный анализ для установления механизмов функционирования системного значения в речи. После предусмотренных этапов она приходит к выводу, что у глагола 'do' на английском языке выявляется инвариант-прототип «*to encompass*», который остаётся всегда инвариантом [13, с. 93–94]. Л.Я. Гросул, применяя дистрибутивный, трансформационный, компонентный и статистический виды анализа, выводит инвариантные значения глаголов *get* {переход предмета в новое состояние} и *keep* {сохранение предмета в прежнем состоянии (качественном, пространственном или посессивном)} и замечает, что «семасиологическое исследование должно начинаться на «синтагматическом уровне» [28, с. 14–17].

Е.Л. Соболева исследует широкие значения глаголов *turn* и *grow* и приходит к выводу о представлении ими в языке исходных (базовых) концептов «поворот» и «рост» в прототипе концептосфера человека [29, с. 99]. М.Ю. Евтеева в своей диссертации, опираясь на когнитивную модель, изучает глаголы с общим значением «делать» и утверждает о различной природе эврисемии и полисемии, где первая состоит в прототипах, в которых распределяются признаки данных глаголов и вторая состоит в ЛСВ [15, с. 241]. Она отмечает, что «инвариант первой является само широкое значение (само слово), пока инвариант многозначного слова – это «научная дескрипция» верbalного явления, которая вряд ли относится к «языковой способности обычного носителя языка» [15, с. 236]. Согласно тому, приходит к выводу, что за инвариантным широким значением, которое «упирается» в уровне речи, стоит конкретный прототип, что в примере глагола «делать» получается так: инвариант «реализация действия» с прототипами «создание объекта», «преобразование объекта» и «реализация порции действия» [15, с. 239, 283].

Согласно вышесказанному подходу, вопреки многочисленным правильным выводам о сущности широкого значения, отождествление широкого с общим является лишь оправданием в пользу термина «эврисемия», поскольку таким образом широкое значение, будучи размытым, покрывается лишь существованием «обобщенным значением» и ограничивается краткой формой, которая представляет собой некую формулировку «инвариантного значения». Такое «общее», «инвариантное» значение, в свою очередь, не может быть как-то верифицировано, поскольку является продуктом субъективного созерцания, не раскрывая сущность эврисемии, не измеряя, каким образом слово является широкозначным.

На основе данного аргумента мы считаем, что широкое значение не может подлежать «общему» толкованию слова, выражющему «общие» или обобщенные признаки, характерные для одного определенного языка. Это объясняется ещё тем, что **широкото значение сама не может быть выражена под каким-то толкованием, но наоборот, под каким-то диапазоном**, что исходит из самого толкования слова «широкий», который является **качественным прилагательным, понимаемый всегда в сравнении с другим объектом**: мы говорим, что небо находится высоко в отношении земли; мы говорим, что небоскреб высокий в отношении других зданий; мы говорим, что какой-то предмет дорогой, большой, маленький по отношению к другим объектам. Из этого вытекает положение, что мы не можем говорить о широком значении, если мы не сравниваем его с другим значением, т.е. если мы не знаем, что такое узкое значение.

С этим мнением перекликается третья интерпретация, в котором широкое значение является по сути **широкой сочетаемостью**. Данное предположение подтверждается высказыванием А.Н. Степановой и Л.Ф. Кистановой, которые справедливо полагают, что «широкозначность слова всегда предполагает его широкое понятийное содержание, но последнее само по себе ещё не делает слово широкозначным» [\[30, с. 103\]](#).

Наш аргумент можно представить следующим образом: глагол *делать* в русском языке является обобщенным, ведь вне контекста выражает понятие «деланье» в обобщенном виде. Тем не менее его сочетаемостный потенциал не является таким высоким, как у глагола *do* в английском, который появляется в разнообразных контекстах, перифразируя такое количество слов, которое глагол «делать» не может. К примеру, *do a course* 'проходить курс обучения', *do a deal* 'заключить сделку, договориться', *do a fade* 'убегать, сбегать', *do one's duty* выполнять свой долг, *do science* – 'заниматься наукой' и т.п.

Данный пример является убедительным доказательством того, что обобщенное не должно предполагать широкое, поскольку в данном примере, хотя и предположительно, согласно предшествующим работам [\[13; 15; 31\]](#), можем сказать, что глаголы *делать* и *do* являются оба обобщенными, а не оба широкозначными. В связи с этими полагается, что каждое широкое значение (широкая сочетаемость) предполагает обобщенную понятийную основу слова и широкую денотативную соотнесенность. Продолжая данный логический силлогизм, можно сказать, что, если не выявляется широкое и обобщенное значение в основе одной лексической единицы, тогда имеем дело с узким значением.

Исходя из этого, широкое значение не может быть определено на основе общих или обобщенных значений, вывод который опровергает два варианта широкого значения, гласящего об отождествлении с общим и обобщенным значением, и показывает **иллюзию полисемии**.

6. Иллюзия существование понятия «эврисемия»

Выяснив, что подразумевается под широким значением, мы продолжим к последнему нашему тезису – к иллюзии существования самой эврисемии. Интерпретация широкого значения как широкой сочетаемости является лишь термином-заменителем «сочетаемости» и показывает наглядно такую иллюзию: предположение о широте значения ради широкой сочетаемости объясняется тенденцией к аналитизму языка, который влияет непосредственно на главный мотиватор абстрактного выражения – словообразование. Данный факт подтверждается В.Г. Гаком, который, сопоставляя русский и французский языки, приходит к выводу, что «широкозначность» лежит на основе словообразования, а не столько в особых свойствах мышления определенного народа [4].

Ученые-лингвисты, отметив, что в языках аналитического типа, таких как английский, французский и немецкий, одна и та же единица может сочетаться с неограниченным числом лексических и грамматических единиц (сочетаемость), обладая таким образом шире значение, чем в русском языке, пришли к выводу, что это объясняется присутствием одного широкого значения, присущим языковому явлению «эврисемия». Начало таких предположений отмечается в работах В.Н. Ярцевой и Н.Н. Амосовой, поэтому и большинство исследований основываются на материале английского языка, сравнивая его на фоне со своим родным языком, вероятно, русским языком [13-17 и др.]. Данное предположение лежит в самом толковании слова «широкий», который всегда требует объект в сопоставлении. Тем не менее, широкое значение как широкая сочетаемость не может быть отнесено к существованию специального явления, так как оно просто является результатом изменений в грамматическом строе языка, движущихся к аналитизму. Если мы считаем широкое значение характеристикой особенного языкового явления, тогда нужно его отнести ко всем обобщенным словам языков аналитического типа, ради того, что в сопоставлении с русским языком, который принадлежит к синтетическому типу, они шире.

Для этого предположение представим три аргумента: 1) в случае аналитических языков допускается пополнение слов значениями за счет своей сочетаемости, т.е. в синтагматической оси, ради синтаксических трансформаций (предлоги, частицы, союзы, артикли, порядок слов и т.д.). Здесь можно согласиться с тезисом В.Г. Гака, что широкозначность создает условия для парадигматической экономии [16, с. 159], предполагая соответственно, что в языках синтетического типа парадигматическая ось более развита, что предполагает более богатое выражение разных понятий;

2) С точки зрения когнитивного подхода Т.Б. Рабдиль пишет, что «аналитический способ представляет собой комбинаторное последовательное выражение отдельных «кирпичиков» смысла, каждый из которых относительно автономен и независим друг от друга (какие-то можно убрать или поменять местами)... Синтетический способ – это синкретичное, одномоментное выражение разных смыслов в едином комплексе, в результате чего они приобретают взаимообусловленность. Он более громоздок и характеризуется значительной степенью избыточности, но он и более глубоко охватывает мыслю явление в многообразии его взаимосвязанных составляющих. Это хорошо знакомое всем, кто интересуется музыкой, различие между последовательным нажатием клавиш (арпеджио) и одновременным (аккордом)» [32, с. 11-12];

3) Различие синтетизма и аналитизма в путанице понятия «эврисемия» представляется наглядно в следующем примере: Английский язык строит значения с использованием

аналитического подхода (глагол + частица), тогда как русский применяет синтетический подход (глагол с приставкой), поэтому вопрос об эврисемии является нерелевантным. Например, глагол *до* полагали бы, что он более широкий, поскольку одна и та же единица *до* обозначает различные направления и различные действия, хотя в русском языке глагол *идти* каждый раз образует более конкретные единицы с приставками для обозначения более конкретного действия.

Данные аргументы легко могут быть также подтверждены в исследованиях по эврисемии, в которых постоянно упоминается роль аналитизма, однако всегда в рамках эврисемии: А. Авдеев пишет, что «аналитизм языка действительно создает благоприятные условия для появления и развития широкозначности, как еще и повышает роль широкозначных слов в функционировании языка, а само их наличие может интерпретироваться как существенная, качественная типологическая характеристика лексической и грамматической систем языка» [\[33, с. 12\]](#).

В.Я. Плоткин и Л.Я. Гросул считают, что эврисемия находится в зависимости от типологической характеристики языка. По мнению авторов, эврисемия складывается лишь в языках аналитического строя, где имеется потребность в словах, наделенных высокой степенью способности участвовать в формировании стандартных синтаксических единиц, не теряя при этом своей лексико-семантической самостоятельности [\[24, с. 84\]](#). Н.Н. Николаевская пишет, что «широкозначность связана с большим объемом выражаемого понятия и влечет за собой «бессодержательность» лексических значений слов, делая их удобным инструментом для выражения остаточных морфологических показателей, тем самым соблюдается основной принцип языка аналитического строя – принцип раздельного выражения лексических и грамматических значений [\[34, с. 97–98\]](#). Все вышесказанные оправдывают иллюзию эврисемии в заблуждении широкой сочетаемостью и в самом аналитизме, в котором синтактика доминирует над семантикой.

Подводя итоги, мы считаем, что такого рода значения как широкого не существует, как еще и свойственное ему явление – эврисемия, поскольку является **иллюзией полисемии и самой тенденции аналитизации**, выраженной в сочетаемости слов. В противоположности широкому значению, предположение об отношении широкой сочетаемости и обобщенного значения, как обобщенная понятийная основа и широкая денотативность, актуально, однако в рамках одной языковой системы. После всего, можно наивно полагать, что насколько богаче выражение значений лексических единиц в синтагматике, настолько ближе движемся к аналитизму. Соответственно, можно полагать, что насколько богаче выражение значений лексических единиц в парадигматике, настолько ближе язык к синтетизму. В заключение покажем схематично все вышесказанные предположения.

Заключение

В заключение автор данного исследования считает, что не существует широкого значения, поскольку оно является иллюзией полисемии. Предположение об отношении широкой сочетаемости обобщенного значения в противоположности широкому значению, т.е. обобщенной понятийной основы и широкой денотативности под названием «обобщенное значение», актуально, однако в рамках одной языковой системы. В свою очередь, широкое значение свойственно эврисемии, следовательно, эврисемия – иллюзия, которая возникает в рамках сопоставления русского с другими языками, и, следовательно, не существует в русском языке.

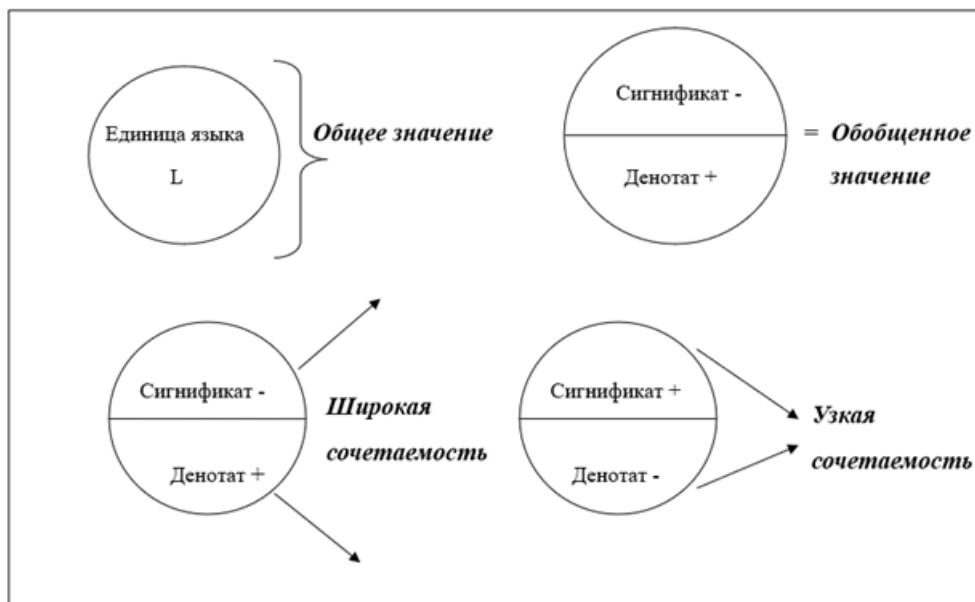

рисунок 1.

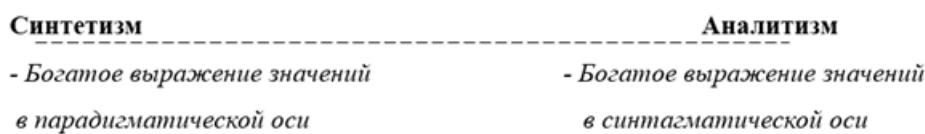

рисунок 2.

Библиография

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии / Л.: Издательство Ленинградского университета, 1963. 208 с.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / М.: Наука, 1977. 312 с.
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика / М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. / М.: Русские словари, 1996. 416 с.
5. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология / М.: Междунар. отношения, 1977. 264 с.
6. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики / СПб: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.
7. Песина С.А. Полисемия в когнитивном аспекте: Монография / СПб.: Изд-во РГПУ им.

- А.И. Герцена, 2005. 325 с.
8. Курилович Е. Очерки по лингвистике. Сб. статьей / М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 456 с.
9. Новиков Л.А. Избранные труды. Т. I. Проблемы языкового значения / М.: Изд-во РУДН, 2001. 672 с.
10. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / М. – Л.: Наука, 1965. С. 50-51.
11. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семантического описания лексики / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Едиториал УРСС, 2002. 240 с.
12. Кронгауз М.А. Семантика; М.: Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.
13. Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001. 279 с.
14. Малютина Е.И. Глаголы широкой семантики в когнитивном аспекте [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 : защищена в Рос. гос. пед. ун-те им. А.И. Герцена, 3.12.2008 / Е.И. Малютина. – СПб., 2008. 198 с.
15. Евтеева М. Ю. Моделирование семантической структуры глаголов широкой семантики с общим значением «делать» в естественном языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 293 с.
16. Семина И.А. Широкозначность в аспекте универсальности и аналитизма / М.: Московский государственный лингвистический университет, 2019. 186 с.
17. Маринова Е.Д. Синтаксис и семантика некоторых широкозначных глаголов динамического состояния в английском языке (опыт диахронического исследования). Кемерово, 1995. 194 с.
18. Зализняк А.А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 639 с.
19. Соколова В.М. К проблеме слов широкой семантики // Вопросы германской филологии. Волгоград, 1967. С. 22-36.
20. Павилёниш Р.И. Проблема смысла, современный логико-философский анализ языка / М.: Мысль, 1983. 285 с.
21. Резникова Ж.И. Интеллект и язык: Животные и человек в зеркале эксперимента. М.: Наука, 2000. 280 с.
22. БТСРС – Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс Книга; 2008. 864 с.
23. Шапошникова, И. В. Системные диахронические изменения лексикосемантического кода английского языка в лингво-этническом аспекте [Текст] / И. В. Шапошникова. – Иркутск : ИГЛУ, 1999. 243 с.
24. Плоткин В.Я., Гросул Л.Я. Широкозначность как лексико-семантическая категория // Теоретические проблемы семантики и её отражение в одноязычных словарях. Кишинёв: Штиинца, 1982. С. 81-86.
25. Москалева М. Расширение значения слова как один из основных семантических процессов (на примере имен существительных) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 33. С. 180-184.
26. Карапаракис Н. Семантическое развертывание имен существительных, обозначавших профессию в XVIII веке // Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика: Сб. статей Международной научно-практической конференции, Москва, 14–15 апреля 2022 года. М.: Российский университет дружбы народов. 2022. С. 601-609.
27. Плотникова А.М. Широкозначные глаголы в современном русском языке // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология. 2009. №

- 1/2 (63). С. 24-31.
28. Гросул Л.Я. Широкозначные глаголы динамического состояния в английском языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 : защищена в Институте языкознания АН СССР / Л.Я. Гросул. – Кишинёв, 1977. 137 с.
29. Соболева Е.Л. Развитие широкозначности у глаголов *turn* и *grow*. Опыт системного диахронического анализа: Дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск: ИГЛУ, 2001. 146 с.
30. Степанова А.Н., Кистанова Л.Ф. Широкозначные слова в функциональном аспекте (на материале французского языка) // Романские языки: семантика, прагматика, социолингвистика. Л.: 1990. №4. С. 49-57.
31. Евтеева М.Ю. Семантическая структура слова: многозначность vs широкозначность // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. № 1. С. 28-36.
32. Радбиль Т.Б. Аналитизм vs синтетизм в активных процессах в грамматике современного русского языка // Мир русского слова. 2020. № 1. С. 7-12.
33. Авдеев А.А. Проблемы широкозначности и её соотношение с полисемией и дейксисом (На материале имен существительных английского, русского и французского языков) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 : защищена в Воронеж, гос. ун-те, 27.12.2002 / А.А. Авдеев. – Воронеж, 2002. 172 с.
34. Николаевская Р.Р. Проблема широкозначности и перевод // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2003. № 480. С. 83-99.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами Национального Института Научного Рецензирования по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается комплексное понятие «широкозначность» или «эврисемия», которое в последние годы, как отмечает автор, получило чрезмерную популярность, и которое подыскивает свое место в научном обиходе и на лексико-семантическом уровне языка. Предмет исследования актуален в силу необходимости уточнения объема термина «общее значение», который смешивается с такими терминами, как «широкое значение» и «обобщенное значение» и приводит к ошибочному его употреблению: «проблемный характер эврисемии выражается ярко в абстрактных критериях её выявления с акцентом на «общем значении», которое в каждом исследовании воспринимается с совсем другим смыслом».

Теоретической базой исследования послужили фундаментальные труды таких российских и зарубежных ученых, как В. В. Виноградов, В. Г. Гак, С. Д. Кацнельсон, А. А. Уфимцева, М. А. Кронгауз, Н. Н. Амосова, М. В. Никитин, Л. А. Новиков, А. А. Зализняк, В. М. Соколова, Ежи Курилович, Анна Вежбицкая, а также научные работы исследователей проблемы широкозначности, глаголов широкой семантики А. А. Авдеева, Р. Р. Николаевской, Е. И. Малютиной, М. Ю. Евтеевой, В. Я. Плоткина, Л. Я. Гросул, Е. Л. Соболевой, А. М. Плотниковой, И. А. Семиной и др. Библиография статьи составляет 34 источника, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Автор провел достаточно серьезный комплексный анализ состояния исследуемой проблемы. Все цитаты сопровождаются авторскими комментариями.

Методология проведенного исследования в работе не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-

сопоставительный метод, когнитивный и контекстуальный анализ и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования автор разбирает понятия «эврисемия» и «общее» значение («исследователи видят несоответствие эврисемии и полисемии, которые, по их словам, являются двумя «различными явлениями»); «полисемия» и «общее» значение («общее» значение в той или иной трактовке не должно считаться прямым показателем моносемической ипостаси слова или характеристики эврисемии, т.к. нередко может привести «к *sui generis* оптической иллюзии» полисемии, что, следовательно, приводит нас к пониманию того, что «общее» значение является недостаточным доказательством эврисемии»); рассматривает вопрос синкретизма «обобщенного» и «общего» значения и определяет, что подразумевается под «широким значением» и под «обобщенным значением», и как последнее взаимодействует с другими выделенными характеристиками эврисемии. Далее анализируется иллюзия существования понятия «эврисемия»: «В нашем исследовании мы считаем, что эврисемия («широкозначность») не может быть «моносемией на пределе» и противопоставлена полисемии по многочисленным причинам, которые сами приводят к иллюзии полисемии». В заключение автор делает вывод о том, что «не существует широкого значения, поскольку оно является иллюзией полисемии. В свою очередь, широкое значение свойственно эврисемии, следовательно, эврисемия — иллюзия, которая возникает в рамках сопоставления русского с другими языками, и, следовательно, не существует в русском языке».

Однако несколько непонятно завершающее предложение («Автор данного диссертационного исследования не обладает информацией о том, какие языки являются родными авторов других исследований»): какого диссертационного исследования? / речь идет об авторе статьи?

Также обращаем внимание автора на опечатки в тексте (например, «Русинок1»; «Русинок2» вместо «рисунок»), пропуски запятых (например, «М.Ю. Евтеева в своей диссертации, опираясь на когнитивную модель исследователь изучает глаголы...» и др.), «склеенные» слова (см «за инвариантнымшироким значением», «Междубобобщенным значением», «в той или иной трактовкене должно считаться»).

Высказанные замечания не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы, но требуют устранения.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в изучение понятия «широкозначность» или «эврисемия», в уточнение объема термина «общее значение». Полученные результаты могут представлять интерес для исследователей проблемы широкозначности в языках, а также использоваться в вузовских курсах по общему языкознанию, лексикологии и когнитивной лингвистике.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Материал является новаторским, представляющим авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения недочетов в тексте.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В данной рецензии рассматривается научная статья «К иллюзии эврисемии: между «общим», «обобщенным» и «широким». Статья посвящена актуальной теме в области в области лексической семантики и терминологии. Целью исследования является уточнение объема термина «общее значение», который смешивается с такими терминами, как «широкое значение» и «обобщенное значение» и приводит к ошибочному его употреблению.

Статья состоит из введения, основной части, заключения и списка литературы. Во введении автор обосновывает актуальность выбранной темы и ставит цель своего исследования.

Основная часть статьи включает в себя следующие части: определение понятий «эврисемия» и «общее значение», где приводятся выдержки из теоретических исследований по теме; Иллюзия полисемии и «общее» значение, где рассматривается разница между многозначностью и эврисемией; синкретизм «обобщенного» и «общего» значения; обозначение понятия «обобщенное значение»; интерпретация широкого значения; иллюзия существование понятия «эврисемия».

В последней части автор в качестве вывода постулирует идею о том, что «интерпретация широкого значения как широкой сочетаемости является лишь термином-заменителем «сочетаемости» и показывает наглядно такую иллюзию: предположение о широте значения ради широкой сочетаемости объясняется тенденцией к аналитизму языка, который влияет непосредственно на главный мотиватор абстрактного выражения – словообразование».

В заключении автор делает следующие выводы об отсутствии в русском языке широкого значения, «поскольку оно является иллюзией полисемии. Предположение об отношении широкой сочетаемости обобщенного значения в противоположности широкому значению, т.е. обобщенной понятийной основы и широкой денотативности под названием «обобщенное значение», актуально, однако в рамках одной языковой системы. В свою очередь, широкое значение свойственно эврисемии, следовательно, эврисемия – иллюзия, которая возникает в рамках сопоставления русского с другими языками, и, следовательно, не существует в русском языке».

Новизна темы заключается в подходе к сопоставлению синонимичных значений и выявлении иллюзорности эврисемии применительно к русскому языку.

Данные результаты можно считать научно обоснованными и достоверными.

Однако в статье имеются некоторые недостатки:

недостаточно подробное описание методов и целей исследования.

Статья написана в стиле в соответствии с критериями, предъявляемым к научным статьям.

Объем статьи является достаточным.

Статья оформлена в соответствии с требованиями к научным статьям, содержит ссылки на источники и список литературы, включающий в себя актуальные российские исследования по данной теме.

В целом, статья «К иллюзии эврисемии: между «общим», «обобщенным» и «широким» значениями» представляет собой научно-исследовательскую работу, которая вносит вклад в развитие лингвистической семантики. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, и может быть рекомендована к публикации в журнале Litera.

